

Исторический вестник. 2023. Т. XLVI

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.008

В.В. Орлов

«НЕУКЛОННО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ГИБРАЛТАРСКОГО ПРОЛИВА...»: В.Р. БАХЕРАХТ И ВОЕННО-МОРСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ В МАРОККО В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

историю российско-марокканских связей последних трех столетий флотская тема вплетена многими нитями. Это далеко не случайное обстоятельство. Несмотря на то, что Марокко (Дальний Магриб, араб. *Аль-Магриб аль-Акса*)¹ и Россию разделяют долгие недели морских

переходов, военно-стратегические интересы и геополитические задачи Российского государства в отдельные эпохи требовали самого серьезного внимания петербургского Адмиралтейства к «узким местам» морских и океанских коммуникаций. Марокко — единственная арабская страна, которая одновременно обладает атлантическим и средиземноморским побережьем и контролирует, наряду с британской военно-морской базой на юге Пиренейского полуострова, прохождение кораблей и судов через Гибралтарский пролив. Более того, в отличие от всех других стран

¹ В европейской географической традиции в Новое время утвердилось наименование Марокко «Шерифской империей», в силу того, что правящие в этой стране династии Сааидов (1511–1659 гг.) и Алауитов (с 1631 г.) являлись шерифскими, т.е. вели свое происхождение от пророка Мухаммада. Шерифы пользовались особым авторитетом в арабо-мусульманском мире как носители божественной благодати (араб. *барака*).

Северной Африки, шерифское государство так и не оказалось в административно-политической зависимости от Османской империи. Поэтому в XVI–XIX вв. правительства марокканских султанов еще вполне располагали собой на средиземноморской и международной арене. Все эти условия сделали Марокко заметным ориентиром на карте российских интересов.

Торговые и военно-политические задачи Российской империи на северо-западе Африки сформировались в середине XVIII в. Создание Петром I (1682–1725 гг.) военного флота и его выход за пределы Балтийского и Черного морей превратили Россию в полноценную морскую державу. Препятствия для российских кораблей в Проливах, которые создавала Османская империя, сделали для Петербурга насущным круговой маршрут «Северное море — Ла-Манш — Гибралтар». Российские корабли в эту эпоху нередко заходили в порты Северной Африки. Например, в 1754 г. итальянское судно «Мадонна де ла Грация», плававшее под русским флагом, перевозило грузы и пассажиров из порта Алжир в Александрию. В 1757 г. грузопассажирские перевозки по этому же маршруту осуществил русский капитан Франкович².

Марокко стало втягиваться в орбиту внешнеполитического партнерства России после окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.). Победа над Османами позволила России взять под свой контроль северные берега Черного моря и «открыть» Босфор и Дарданеллы. Османское правительство (Высокая Порта, тур. *Баб-и Али*) также признало право России «иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут удобными, назначить за благо рассудит»³. Кроме того, османская сторона согласилась содействовать России в заключении «коммерческих трактатов» со своими североафриканскими провинциями (*эялетами*) Алжир, Тунис и Триполи. Эти обязательства также вошли в состав последующих русско-турецких торговых соглашений 1782 и 1783 гг.⁴

² Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 12.

³ Цит. по: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 353.

⁴ Орлов В.В. Россия и Марокко в конце XVIII — начале XX в.: от обмена посланиями к обмену посольствами // Исторический вестник. 2015. Т. 11 [158]. С. 129.

Наряду с торговыми ведомствами России Дальний Магриб привлекал внимание и высших чинов Адмиралтейства. Развитие дипломатических связей с Алаутским Марокко удачно вписывалось в общие задачи российской геополитики, поскольку военно-морские операции в Западном Средиземноморье позволяли обеспечить плавание российских торговых судов к европейским и североафриканским портам в обход Босфора и Дарданелл⁵.

События Архипелагской экспедиции Российского императорского флота (1769–1775 гг.) заметно оживили интерес российских правящих кругов к Магрибу⁶. Правда, основная зона крейсерских операций российских эскадр быстро сместилась в восточную акваторию Средиземного моря. Базой россиян стал остров Парос в Эгейском море, и все ключевые рейды и сражения российских кораблей, участвовавших в экспедиции, происходили к востоку от Мальты. Тем не менее сам факт прохождения флота через Гибралтарский пролив позволил российским морякам увидеть северо-западную часть Африки и пусть кратковременно, но все же прикоснуться к ее природе и культуре. Да и опыт массированного применения военно-морской мощи России в бассейне Средиземного моря тоже не пропал даром для российско-марокканских контактов. Первые заметки и статьи о военном и политическом положении в Шерифской империи, как отмечал знаток

⁵ В этом плане примечательна история российского фрегата «Надежда Благополучия». Этот новый и хорошо снаряженный боевой корабль в 1764–1765 гг. был зафрахтован для торговых перевозок тульским купцом Иваном Владимировым и под коммерческим флагом посещал порты Апеннинского полуострова, в том числе Ливорно. Однако его командиром был назначен многоопытный морской офицер, капитан 1-го ранга Ф.С. Плещеев (?–1770). Впоследствии он участвовал в Архипелагской экспедиции в должности флаг-капитана при адмирале Г.А. Спиридове и героически погиб в Чесменском сражении. Экипаж фрегата отличался высокой военно-морской выучкой и слаженностью действий. Коммерческое плавание «Надежды Благополучия», скорее всего, явилось прикрытием для стратегической разведывательной миссии российского флота. — *Образцов В.* «Надежда Благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // *Родина*. 2010. № 2. С. 78–79; *Рукавишников Е.Н.* Мифы и реалии в истории плаванья фрегата «Надежда Благополучия» (1764–1765 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2021. № 11. С. 84–93. В 1765–1768 гг. группа русских флотских офицеров была командирована на практику на верфях Мальты. Формально они должны были изучать основы кораблестроения, но в действительности негласно осваивали тактику будущих боевых походов в Средиземном море. — *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2011. С. 34.

⁶ *Дьяков Н.Н.* Магриб — Машрик — Россия. Материалы по историографии и истории арабского мира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 358.

В.Р. Бахерахт. 80-е гг. XIX в.

истории российского востоковедения Б.М. Данциг, начали появляться в «Санкт-Петербургских ведомостях» уже после заключения Кючук-Кайнарджийского мира⁷. Они во многом были основаны на тех сведениях о Северной Африке, которые поступали в Санкт-Петербург от российского посла в Лондоне (и, по совместительству, консула в Гибралтаре) графа С.Р. Воронцова⁸.

В последней четверти XVIII в. российское военно-морское присутствие в Средиземноморье послужило посреднической платформой для развертывания межгосударственных связей Российской и Шерифской империй. В 1777 г. нештатный консул России в Гибралтаре англичанин

⁷ Данциг Б.М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Данциг Б.М. Ближний Восток. Сб. ст. / Вступ. ст. Г.Л. Бондаревского. М.: Наука, 1976. С. 146–147.

⁸ Ас-Сайих, аль-Хасан. Аль-Хадара аль-магрибия: аль-бидаи ва-ль-истимрар (Магрибинская цивилизация: начало и преемственность). Ат-таб'а ас-санийа. Рабат: Маншурат 'Указ, 2004. Т. 3. С. 125. Семен Романович Воронцов (1744–1832) — граф Священной Римской империи и Российской империи, государственный и военный деятель, дипломат. В годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — командир 1-го гренадерского полка русской армии, отличился в сражениях при Ларге, Кагуле и Силистрии. Полномочный министр в Венеции (1782–1784 гг.), посол в Лондоне (в Королевстве Великобритания, в 1784–1800 гг. и в Соединенном Королевстве, 1800–1806 гг.).

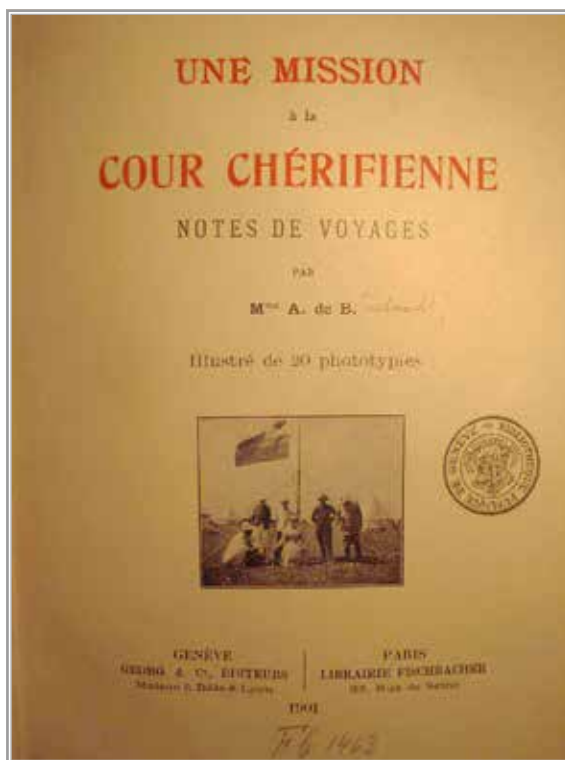
А. Бут сообщил в Санкт-Петербург о содержании циркулярного письма султана Марокко Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха (1757–1790 гг.). В этом документе марокканский государь разрешил свободный заход европейских кораблей в порты Дальнего Магриба и предложил европейским консулам способствовать заключению мирных и торговых трактатов Шерифской империи со представляемыми ими государствами⁹. Сведения, полученные от А. Бута — агента российского влияния в Испании и резидента российской внешней разведки¹⁰, привели к исторической встрече командира российского фрегата «Северный Орел», капитана 1-го ранга Т.Г. Козлянинова¹¹ с марокканским посланником в Ливорно Мухаммадом ибн Абд ал-Маликом (апрель 1778 г.). Российский офицер и шерифский дипломат обменялись посланиями. В них они уведомили друг друга относительно расположения своих государей к последующему заключению российско-марокканского договора¹². В мае 1778 г. российские фрегаты «Св. Павел» и «Постоянство» доставили Мухаммада ибн Абд ал-Малика и выкупленных его посольством мусульманских пленников в Танжер. Здесь в июле их командиры получили послание султана Екатерине II и вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышеву.

⁹ Мусатова Т.А. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 16.

¹⁰ Консульское представительство А. Бута было сопряжено с военно-морскими операциями России. В частности, год начала его консульской миссии в Гибралтаре совпал с началом Архипелагской экспедиции российского флота (1769 г.). Орлов В.В. Марокканские элиты и российско-османский конфликт (XVIII–XIX вв.): проблема восприятия // Встречаясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. Сб. ст. / Сост. Н.Г. Романова, И.М. Смилянская, А.О. Филоник. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 164.

¹¹ Тимофей Гаврилович Козлянинов (Козляинов, Козланов) (1739–1798) — офицер российского флота. Был вхож в круг сановников екатерининского двора. Неоднократно направлялся на зарубежные морские практики (Великобритания, 1762–1764 гг.; Голландия, 1765 г.; Мальта, 1765 г.). Участвовал в Архипелагской экспедиции 1769–1775 гг., плавал под командованием капитана 1-го ранга, героя Чесменского сражения С.П. Хмелевского (1730–1800). В 1778–1779 гг. в звании капитана 1-го ранга командовал группировкой российских кораблей в Средиземном море. Отличился в Гогландском сражении (1788 г.), блокировал шведский флот под Свеаборгом. Завершил службу в звании вице-адмирала.

¹² Письмо командира фрегата «Северный Орел» капитана первого ранга Т.Г. Козлянинова послу Марокко султана Марокко в Тоскане Мухаммеду бен Абд аль-Малеку с сообщением о выраженном императрицей России Екатериной II желании установить с Марокко отношения мира и дружбы (Ливорно, 5 апреля 1778 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. 1777–1916 / Авт. и сост. Н.П. Подгорнова. М.: Ин-т Африки РАН, 1999. С. 134.

Обложка книги воспоминаний А.А. Бахерахт о миссии в Марокко. 1901 г.

В этом официальном письме алаутский султан выразил пожелание «заключить ... статьи мирные»¹³ с далеким государством «москвитов» (*мускуви*), в которых шерифский двор видел могущественного на море и грозного на суше противника Османской империи. В ответном послании российская самодержица также изъявила свое намерение «сохранять весьма рачительно и твердо искренний мир и дружбу»¹⁴ с Дальним Магрибом. Несмотря на столь многообещающее начало, мирный договор между Санкт-Петербургом и Рабатом остался в сфере благопожеланий. На пути его заключения встали сложные для России проблемы морской торговли и военных коммуникаций. Единственная значимая задача такого соглашения могла состоять в получении права свободно заходить в марокканские порты для купеческих судов, плавающих под

¹³ Письмо султана Марокко Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Российской империи И.Г. Чернышеву по поводу заключения мирного договора между двумя государствами (Марракеш, 14 июля 1778 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 138.

¹⁴ Грамота императрицы Екатерины II султану Сиди Мухаммеду бен Абдаллаху с сообщением о предоставлении марокканским подданным в России режима наибольшего благоприятствования // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 148.

российским флагом. Также речь в мирном договоре могла идти о защите купеческих компаний от пиратов российским флотом. Однако в конце XVIII в. торговые и транспортные предприятия российских компаний в Средиземном море были маломасштабными и сводились к разовым поставкам или нерегулярным перевозкам небольших партий товаров. Что же касается проецирования военно-морской мощи, то в 1779 г. российские корабли, базировавшиеся в портах Южной Европы, были окончательно выведены из Средиземноморья¹⁵.

Уход из жизни Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха (1790 г.) и Екатерины II (1796 г.) поставил точку в этом международно-дипломатическом проекте. С одной стороны, полное насилия правление нового султана Мулай Йазида (1790–1792 гг.) привело Дальний Магриб к династическому конфликту — Семилетней смуте, завершившейся закреплением на престоле второго сына покойного султана — Мулай Сулаймана (1792–1822 гг.). Для преемников Сиди Мухаммада Российская империя оставалась загадочным и далеким явлением¹⁶. С другой стороны, реформаторские усилия Павла I (1796–1801 гг.) и сосредоточение внимания Петербурга на европейских делах также не благоприятствовали юридическим заботам российского императора о торговых привилегиях и безопасности его подданных в Северной Африке¹⁷.

Дальний Магриб и в целом Западное Средиземноморье вновь оказались в фокусе российской морской и внешнеполитической стратегии

¹⁵ В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Адмиралтейств-коллегия планировала новую экспедицию российского флота в Средиземном море. Однако обострение отношений со Швецией и Русско-шведская война 1788–1790 гг. создали значительную угрозу с моря для безопасности северо-западных провинций империи и самого Санкт-Петербурга. Поэтому российские эскадры под руководством адмирала С.К. Грейга (1735–1788) в полном составе остались на Балтике. — *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. С. 744.

¹⁶ См.: Орлов В.В. Марокко и российский Военно-морской флот: три века контактов // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5: Мусульманский мир на исторических рубежах России / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. С. 116.

¹⁷ Оригинальный текст российско-марокканского договора не был обнаружен в фондах Архива внешней политики Российской империи. Его поиски предпринял в 50-х гг. XX в. Б.М. Данциг, но успеха они не дали, как и новая серия изысканий, развернутых в АВПРИ в 80-х гг. XX в. Т.А. Мусатовой и Н.П. Подгорновой. Этот документ не был включен и в содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи» перечни договорных актов России с другими государствами за последнюю четверть XVIII в. См.: Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] В 45 т. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. Т. 20–23.

в последней трети XIX столетия. Видные дипломаты и государственные деятели России XIX в. — посол в Берлине и Лондоне Х.А. Ливен (1774–1838), канцлеры Российской империи А.М. Горчаков (1798–1883) и К.В. Нессельроде (1780–1862), посол в Константинополе, Риме и Париже А.И. Нелидов (1835–1910), посол в Берне, Дрездене и Мадриде М.А. Горчаков (1839–1897) — неоднократно предлагали вернуться к екатерининскому опыту, наладить дипломатические отношения с алаутским двором и назначить в Танжер русского дипломатического или консульского агента. Однако эта задача приобрела подлинную актуальность уже в ходе восстановления международных позиций России после Крымской войны, возрождения боевой готовности Черноморского флота и формирования Сибирской военной флотилии, главной базой которой в 1855 г. стал Николаевск-на-Амуре, а в 1871 г. — Владивосток. В 80–90-х гг. XIX в. правящие и промышленные круги Российской империи на новой организационно-технической основе обратились к идее военного и дипломатического противоборства с европейскими державами за влияние в Средиземноморье¹⁸.

После открытия Суэцкого канала в 1869 г. Гибралтарский пролив как входные ворота Западного Средиземноморья приобрел для российского морского ведомства дополнительную ценность. В том же году на верфях Галерного островка в Санкт-Петербурге началась постройка броненосца «Петр Великий» — первого в России полноценного бронированного корабля, способного к осуществлению дальних морских и океанических переходов. Возможности трансконтинентального проецирования российской военно-морской мощи подтвердили две экспедиции русского флота к берегам Северной Америки (1863–1864 гг. и 1876–1877 гг.)¹⁹. В 90-х гг. XIX в. Россия уже располагала внушительной

¹⁸ Техническое отставание российского кораблестроения от европейского, произошедшее при Александре I и Николае I, стало одной из важнейших предпосылок неудач в Крымской войне. Как сам Николай I, так и его морской министр князь А.С. Меншиков (1787–1869) не смогли оценить по достоинству быстрый переход европейских флотов к применению парового двигателя. См.: Бутенин А.В. А.С. Меншиков — государственный деятель, царедворец и человек // Из глубины времен. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича, 1995. Вып. 5. С. 112–122. Преодолению николаевского наследия способствовала разработка российским морским ведомством крупных программ серийного строительства паровых броненосцев, крейсеров, миноносцев и канонерских лодок (60–80-е гг. XIX в.). См.: Панарский Н.С. Государственная идеология и военно-морской флот // Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 71–78.

¹⁹ Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 195–216; Кожевников М. Операция русского флота в Северной Америке. 1863–1864 гг. // Морской сборник. 2009. № 10. С. 69–79.

корабельной группировкой на Тихом океане. Однако условия ее базирования, снабжения и обслуживания были далеки от совершенства, поскольку Дальний Восток до начала XX столетия не располагал сколько-нибудь крупными и оснащенными судоремонтными предприятиями. Поэтому усиление военно-морского присутствия на тихоокеанском направлении длительное время приходилось осуществлять за счет переходов кораблей из балтийских баз (главным образом, Кронштадта)²⁰. В силу этих обстоятельств атлантические и средиземноморские порты Марокко расценивались в Санкт-Петербурге как ценная для сил флота промежуточная стоянка на пути следования к Тихому океану.

Развитие официальных контактов с шерифским государством рассматривалось в Санкт-Петербурге и как важная составная часть дипломатических, разведывательных и военно-организационных усилий Российской империи на фоне колониальных устремлений европейских держав в Африке. Межгосударственная напряженность в Средиземноморье и обострение «Восточного вопроса» сформировали в правительстве Николая II два подхода к участию России в африканских делах. Министерство иностранных дел главным образом стремилось задействовать поток колониальных противоречий западных держав с целью достижения внешнеполитических успехов в других регионах мира, тогда как Военное и Морское министерства России полагали более важной задачей основать опорные стратегические базы на побережье Красного и Средиземного морей²¹.

В 1897 г. по договоренности между российским и марокканским дипломатическими ведомствами в городе Танжере (Марокко) было учреждено официальное российское представительство. Государственный совет Российской империи своим решением от 20 октября 1897 г. определил его статус: генеральное консульство во главе с генеральным кон-

²⁰ В 1858–1860 гг. на Дальний Восток прибывали так называемые Амурские отряды кораблей Балтийского флота. Впоследствии они составили самостоятельное соединение, которое в 1862 г. получило название «Эскадра Балтийского флота в Тихом океане». Корабли эскадры (парусно-винтовые фрегаты, корветы и клиперы) в 60-х гг. XIX в. не базировались совместно с Сибирской флотилией, а несли стационарную службу в портах Японии и Цинской империи. См.: *Панисьяк И.В.* Сибирская флотилия — предшественница Тихоокеанского флота // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 91–93.

²¹ *Яковлева Е.В.* Колониальный раздел Африки и позиция России (вторая половина XIX в. — 1914 г.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск: Иркутский гос. пед. ун-т, 2004. С. 19. См. также: *Жерлицына Н.А.* Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 75–91.

Могила В.Р. Бахерахта и А.А. Бахерахт в Веве (Швейцария). Современный вид

сулом в ранге министра-резидента²². Также в генеральном консульстве устанавливалась штатная должность переводчика (драгомана) в ранге секретаря²³. 4 декабря 1897 г. указом императора Николая II первым министром-резидентом и генеральным консулом России в Марокко был назначен Василий Романович Бахерахт (1851–1916) — многоопытный профессиональный дипломат, с 1871 г. служивший в представительствах России в Берне, Мюнхене, Риме, Брюсселе и Лиссабоне. Его происхождение, как и сложные перипетии его судьбы и карьеры заслуживают отдельного исследовательского интереса.

Род Бахерахтов происходил из Голландии и первое упоминание о его основателе датируется 1636 г. В этом году Давид, сын Альберта (или Давид Алферьевич), Бахерахт приехал в Москву и наладил морскую торговлю со странами Европы через Архангельск. Его сын и внуки родились уже в России и с основанием Санкт-Петербурга полностью перенесли свою деятельность на северо-запад. Правнук основателя рода — Гавриил Гавриилович Бахерахт (1728–1804) — успешно занимался международ-

²² Державы Священного союза признали на Аахенском конгрессе (1818 г.) статус министра-резидента как промежуточный дипломатический класс между министром 2-го ранга — посланником (*envoyé*) и поверенным в делах (*chargé d'affaires*). Министр-резидент, так же как посол и посланник, имел право на аккредитацию при главе принимающего государства.

²³ Мусатова Т.А. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 99.

ной коммерцией и по размерам своего капитала был приписан к именитым гражданам российской столицы.

Внук Гавриила Гавриловича — Роман Иванович (1778–1884) — избрал дипломатическое поприще и служил в ведомстве Коллегии иностранных дел, представляя российские интересы в Гамбурге, Брюсселе, на острове Корфу и, наконец, в Генуе. В большинстве своих командировок он действовал в должности генерального консула. В.Р. Бахерахт родился во втором браке отца под именем Вильгельм Александр Карл Роберт и получил образование в Европе. В возрасте 20 лет он поступил на российскую дипломатическую службу в миссию Российской империи в Берне, причем сверх штата. Вскоре, в 1874 г., В.Р. Бахерахт был принят в штат, оставил традиционное для его семьи лютеранское вероисповедание и принял православную веру. В 1875 г. в должности второго секретаря миссии он покинул Швейцарию и трудился в российских представительствах в Мюнхене, Брюсселе, Лиссабоне и Берлине²⁴.

Дипломатическую карьеру Бахерахта нельзя назвать легким и ровным путем. Не принадлежа к знати и высшему обществу, потомок голландских купцов был вынужден зарабатывать репутацию длительной и безупречной службой. Коллеги отмечали его блестящее владение языками, остроумие, компетентность, тонкий и изысканный вкус в быту, простоту в общении и великодушие. Среди прославленных в александровскую эпоху ветеранов МИДа ему симпатизировал авторитетный сановник — граф В.Н. Ламсдорф (1845–1907), который в 1857–1900 гг. был товарищем министра иностранных дел, а в 1900–1906 гг. управляющим МИД и министром иностранных дел России. «Бахерахт, — отмечал Ламсдорф в 1891 г., характеризуя облик и достижения российского дипломата, — примерный чиновник, имеющий свыше 20 лет службы, и занимает уже около 10 лет место второго секретаря посольства в Берлине, где его, конечно, очень ценит его начальство»²⁵.

Увы, авторитет и трудолюбие В.Р. Бахерахта далеко не всегда надежно защищали его карьеру. В начале 90-х гг. XIX в. его имя оказалось в центре неприятной для него кадровой интриги. В мае 1892 г. опыт-

²⁴ Грезин И. Василий Бахерахт: последний императорский посланник // Наша газета. Швейцарские новости на русском. Каждый день. 09.02.2011. URL: <https://nashagazeta.ch/news/11275> (дата обращения: 22.08.2023).

²⁵ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892 / Под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л.: Academia, 1934. С. 341.

ный дипломат был по рекомендации его непосредственного начальника, посла в Берлине графа П.А. Шувалова и «во внимание к продолжительной службе» назначен Александром III на пост первого секретаря миссии в Лиссабоне. Однако эта вакансия была закулисно оспорена вторым секретарем малозаметного в то время посольства в Афинах М.М. Катковым — совсем недавно начавшим службу, но едва выдержавшим дипломатический экзамен и ничем себя не проявившим, кроме «бесконечной лени и крайней неспособности». Связи Каткова при дворе через его жену княжну О.М. Каткову (Лобанову) привели к неожиданной отмене решения и личному поручению императора: «Бахерахта перевести в Афины, а Каткова в Лиссабон. Исполнить немедленно». Все старания министра иностранных дел Н.К. Гирса и В.Н. Ламсдорфа «спасти ... бедного Бахерахта» не привели к успеху, но его удалось оставить в Берлине до появления в 1894 г. более надежной повторной вакансии в Берне²⁶.

Удобный случай продвинуть своего сотрудника и потомственно-го дипломата представился В.Н. Ламсдорфу в конце 1890-х гг. «Экзотическая командировка» в Дальний Магриб придала В.Р. Бахерахту авторитет при дворе²⁷, а первые семь лет работы генерального консульства, связанные с его именем, заложили надежный фундамент для сотрудничества двух монархий. Стоит отметить, что статус миссии, возглавляемой В.Р. Бахерахтом, с самого начала был двойственным: верительные грамоты Николая II аккредитовывали российского посланника при султানে в качестве «министра-резидента во главе дипломатического представительства» России. Тем самым удостоверялось, что, несмотря на придание миссии консульских функций, между

²⁶ «Зачем было говорить с нашим нынешним монархом о праве и законе? — раздраженно суммировал свою неудачу В.Н. Ламсдорф, — ...он опьянен властью и слишком ограничен, чтобы судить о вещах по существу; он не может признать, что есть пределы произволу». Не менее резок в оценке этой истории был и директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев. «Вся Россия в какую-то вотчину обратилась, — заявил он Ламсдорфу, — а государь — помещик, нигилист». — *Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892* / Под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л.: Academia, 1934. С. 341–344.

²⁷ В качестве министра-резидента В.Р. Бахерахт представлял Россию на Альхесирасской конференции по Марокко (1906 г.). Этот форум был призван урегулировать противоречия между Францией и Германией из-за контроля над шерифским государством, выразившиеся в Первом марокканском кризисе. См. подробнее: *Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918*. Oxford: Clarendon Press, 1954. За успешную защиту российских интересов В.Р. Бахерахт был удостоен Высочайшей благодарности. — *Грезин И.* Василий Бахерахт: последний императорский посланник (дата обращения: 22.08.2023).

Россией и Марокко были установлены полноценные дипломатические отношения²⁸.

Секретная инструкция, составленная в МИД Российской империи для руководства генеральным консульством в Танжере, содержала разносторонний анализ положения дел в Западном Средиземноморье. Этот пространственный документ, врученный В.Р. Бахерахту 27 февраля 1898 г., определил как общую стратегию, так и тактические детали его будущей деятельности. В нем, среди прочего, упоминалось немало сюжетов и планов, относящихся к морским делам. «Исторически сложившееся стихийное стремление России к выходу на юг в открытое море, — отмечалось в инструкции, — заставляет нас ревниво следить за всеми происходящими на берегах Босфора событиями, стремиться поддерживать дружелюбные с падишахом отношения и предупреждать единоличное вмешательство в дела Балканского полуострова той или иной державы в предотвращение неблагоприятных от того для нас последствий. Но влечение России к проливам, естественно, встречает противодействие враждебных ей держав и особенно Англии, морскому могуществу которой нанесен будет немалый урон в случае достижения нами означенной цели. Таким образом, становится понятным тесное соотношение, существующее между коренною задачею России в восточной части Средиземного моря и тем или иным разрешением в будущем мароккского вопроса... между положением нашим в Константинополе и тем, которое вам необходимо будет занять в Танжере, существует полная аналогия: задача ваша будет заключаться в том, чтобы неуклонно стоять на страже Гибралтарского пролива и в пределах возможности пещись о целостности и неприкосновенности империи мароккских султанов. Вышеизложенным вполне ясно определяется непосредственная цель нашей политики, сводящаяся к тому, чтобы предотвратить всякое нарушение существующего ныне равновесия сил в бассейне Средиземного моря»²⁹. Далее в инструкции формулировались и задачи военно-морского характера: «Для укрепления нашего престижа мы полагаем также необходимым, чтобы от времени до времени в марокканских водах появлялся русский

²⁸ Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 99. См. также: Жерлицына Н.А. К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 159–171.

²⁹ Из инструкции МИД Российской империи министру-резиденту, управляющему генеральным консульством в Марокко (Танжере) В.Р. Бахерахту. № 132. Санкт-Петербург, 27 февраля 1898 г. // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 184.

Вид порта и крепости Танжер. 2-я половина XIX в.

военный флаг, дабы внушительный вид наших броненосцев мог воочию свидетельствовать о русской мощи и силе. В этом смысле будут нами сделаны сношения с управляющим Морским министерством»³⁰.

Действуя вполне в духе этих распоряжений, В.Р. Бахерахт с первых дней своего пребывания в Алаутском султанате обращал внимание на расстановку военно-морских сил в портах Магриба и усиление престижа российского флота. Уже через несколько месяцев после вступления в должность он докладывал министру о визитах британских кораблей. «В Танжерской бухте, — суммировал свои наблюдения дипломат в июле 1898 г., — уже третий день гостит английский броненосец “Illustrious”, 14900 тонн водоизмещения, с экипажем в 756 человек и 16-ью пушками. По словам моего английского коллеги, судно это еще некоторое время простоит здесь, с тем, чтобы внушительным видом своим содействовать удовлетворению предъявленных ныне британскою миссиею к мароккскому правительству требований»³¹. На основании донесений В.Р. Бахерахта Министерство иностранных дел отмечало и другие подобные случаи. Так, Великобритания в 1898 г. выслала «два броненосца в Мазаган, заявив при этом, что она будет бомбардировать означенный

³⁰ Из инструкции МИД Российской империи министру-резиденту, управляющему генеральным консульством в Марокко (Танжере) В.Р. Бахерахту. № 132. Санкт-Петербург, 27 февраля 1898 г. // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 191.

³¹ Донесение № 12 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел М.Н. Муравьеву с сообщением об улаживании дела российского подданного доктора Э. Вестермарка в Марокко. Танжер, 16/28 июля 1898 г. // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 202.

порт, если предъявленные ею требования не будут выполнены. Требования эти были вслед за тем удовлетворены. К такому же приему прибегла Италия и, конечно, не с меньшим успехом»³².

В этих условиях В.Р. Бахерахт полагал правильным противопоставить угрозам западных держав мирную демонстрацию российского военно-морского флага. В январе 1899 г. российский дипломат должен был лично вручить верительные грамоты султану Мулай Абд аль-Азизу (1894–1908 гг.) в южной столице Марокко — Марракеше. Путь из Танжера в Марракеш через предгорья Атласа был долог и небезопасен, в силу чего Бахерахт запросил у министра иностранных дел специальный поход российского крейсера. Он предложил пройти из Танжера вдоль атлантического побережья в порт Мазаган, откуда в Марракеш вела короткая и удобная дорога. «Как я имел честь докладывать императорскому министерству, — писал российский представитель, — необходимо обставить первую поездку в столицу Мароккской империи первого русского представителя обычною торжественностью. Я... придаю большое значение тому, чтобы и обычное мое путешествие морем в Танжер также совершилось под нашим военным флагом... я уведомил султана о намерении моем прибыть в Марракеш к концу марта нашего стиля и полагаю, что вся поездка не займет более шести недель»³³.

Вместо крейсера Морское министерство отрядило для дипломатического визита В.Р. Бахерахта канонерскую лодку «Грозящий», которой было предписано прибыть в Танжер 15/27 марта 1898 г. 17/29 марта «Грозящий» встал на рейде Танжера, и в тот же день Бахерахт отбыл в Мазаган, прибыв туда 18/30 марта утром³⁴. Российский же корабль отправился на временную стоянку в южный испанский порт Кадис, где ожидал дальнейших распоряжений посланника. Выполнив миссию представления султану и вручив ему верительные грамоты, В.Р. Бахерахт

³² Из Отчета МИД Российской империи за 1898 год о деятельности генерального консульства в Танжере // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 206.

³³ Донесение № 3 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву с просьбой предоставить ему военное судно для поездки в г. Марракеш с целью вручения верительных грамот султану Марокко (Танжер, 19/31 января 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 208–209.

³⁴ Донесение № 5 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву с сообщением о поездке в г. Марракеш (Марракеш, 27 марта/8 апреля 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 212.

Канонерская лодка «Грозный». Фотография нач. XX в.

выехал из Марракеша и на Пасху (18/30 апреля) разместился в Мазагане. Ему пришлось подождать канонерскую лодку, задержанную штормовой погодой на рейде Кадиса. В итоге 22 апреля/4 мая на борту «Грозного» российский министр-резидент отбыл из Мазагана, а 23 апреля/5 мая благополучно прибыл в Танжер. Экипаж «Грозного» удачно выполнил необычное поручение. «Не могу нахвалиться, — докладывал дипломат министру, — как любезной предупредительностью командира корабля капитана 2-го ранга А.Н. Арцеулова и всех офицеров находившегося в моем распоряжении судна, так и умелым управлением судном вдоль малоисследованных берегов Северо-Западной Африки, где плавание вообще сопряжено с немалым риском и опасностью»³⁵.

Называя себя «русским часовым на страже Гибралтарского пролива»³⁶, первый русский посланник в Танжере в известной степени продолжил многолетние семейные традиции. Происходя из Голландии, обладавшей богатейшим морским опытом, род Бахерахтов в XVIII–XIX столетиях успел послужить и Российскому императорскому флоту. В частности, родной брат прадеда В.Р. Бахерахта Гавриила Гавриловича — Генрих (Андрей) Гаврилович (1725–1806) полу-

³⁵ Донесение № 7 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву с сообщением о визитах к султану и великому визирю Марокко (Танжер, 25 апреля/7 мая 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 220.

³⁶ Мусатова Т.А. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 117.

чил медицинское образование и занимался врачебной практикой на родине предков, в Лейденском университете. Затем, по возвращении в Россию, он в течение 35 лет непрерывно служил врачом на кораблях и во флотских береговых подразделениях. А.Г. Бахерахт получил известность как автор целого ряда практических медицинских пособий, а венцом его карьеры стала должность руководителя медицинской службы российского флота³⁷. Неудивительно, что при анализе позиций европейских держав в Алаутитском султанате В.Р. Бахерахт обращал свое внимание и на проблемы морской торговли между Россией и Северной Африкой.

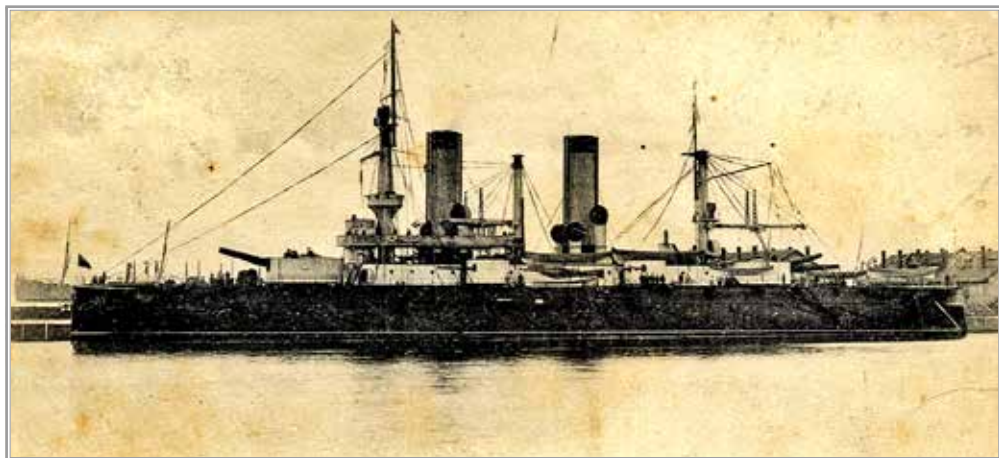
Например, в апреле 1900 г. русский дипломат направил в Санкт-Петербург представление относительно возможностей для развития прямых морских торговых связей между Россией и Марокко. В этом документе он предупреждал Главное управление торгового мореплавания и портов о том, что пользование услугами посреднических компаний в портовом хозяйстве обойдется поставщикам российских товаров довольно дорого. «Некоторые предметы нашей отпускной торговли, — суммировал в 1905 г. В.Р. Бахерахт в специальном донесении о налаживании торговли с Марокко, — легко могли бы найти себе выгодный сбыт на здешнем рынке, под неперемennым условием, однако, непосредственного их привоза сюда»³⁸. В.Р. Бахерахту принадлежала и ценная инициатива — учредить линию прямого пароходного сообщения с Танжером из балтийских или черноморских портов России: «В этих видах я тогда же вошел в сношения как с некоторыми нашими пароходными компаниями, суда которых, совершая рейсы между Черным и Балтийским морями, проходят, так сказать, мимо Танжера, так и с подлежащими ведомствами и частными лицами из торгового мира, здесь и у нас»³⁹. Однако, несмотря на усилия В.Р. Бахерахта, во время его работы в Марокко⁴⁰ большого сдвига в морской транспортировке российских товаров достичь не удалось.

³⁷ Грезин И. Василий Бахерахт: последний императорский посланник (дата обращения: 22.08.2023).

³⁸ Донесение № 14 В.Р. Бахерахта в МИД Российской империи по поводу налаживания торговли между Россией и Марокко (Танжер, 19 апреля 1905 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 294.

³⁹ Там же. С. 295.

⁴⁰ В 1906 г. В.Р. Бахерахт покинул Танжер и выехал в Швейцарию в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра России. Вплоть до своей кончины (5/18 октября 1916 г.) он также исполнял почетные обязанности дуайена дипломатического корпуса в Берне.

Эскадренный броненосец «Петропавловск». Фотография нач. XX в.

Документы Архива внешней политики Российской империи наглядно свидетельствуют о том, что В.Р. Бахерахт и его сотрудники вдумчиво изучали торговые и экономические ресурсы Дальнего Магриба, давали оценки местным традициям и просчитывали возможные рынки сбыта для товаров российской промышленности⁴¹. Высоко оценивали они и сырьевое значение Марокко. Однако в конце XIX и начале XX столетия военная и геостратегическая важность Шерифской империи, расположенной на берегу Гибралтара, на стыке водных массивов и континентов, превалировала для Российской империи над торгово-экономическим значением этой страны⁴².

В 1899–1905 гг. отдельные российские военные корабли и целые отряды периодически останавливались в порту Танжера по пути следования с Балтики на Дальний Восток. Здесь они проходили бункеровку (снаряжались углем), снабжались техническими припасами и провиантом, получали наличные средства для судовых касс, а при необходимости производили мелкий ремонт после сложных переходов по атлантическим водам. Инфраструктура марокканских портов активно использовалась российским Адмиралтейством в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Шерифская империя формально придерживалась

⁴¹ Любопытные заметки об общественной и повседневной жизни Дальнего Магриба в начале XX в. оставила и супруга В.Р. Бахерахта, Александра Адамовна Бахерахт (графиня Гутен-Чапская), уроженка Царства Польского, неизменно сопровождавшая дипломата в его командировках. См.: *Mme A. de B. Une mission à la Cour chérifienne. Notes de voyages. Illustrés de 20 phototypies.* Genève — Paris: Georg & Co, éditeurs; Librairie Fischbacher, 1901.

⁴² Сухов Н.В. История русской эмиграции в Марокко в XX в. / Отв. ред. А.В. Сарабьев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2019. С. 14.

нейтралитета в Русско-японской войне. При этом султанские власти не рассматривали обслуживание российских боевых кораблей или содействие их передислокации на Тихий океан как нарушение нейтральности своей политики. На начало XX в. алауитские государи еще не подписали с императором Японии ни одного соглашения. С точки зрения вазиров Мулай Абд аль-Азиза это означало, что Япония для них не существовала в качестве субъекта международного права. В то же время Россия и Марокко к этому времени имели уже почти 120-летнюю историю взаимосвязей, включая установленные в 1898 г. полномасштабные дипломатические отношения.

Свою роль в появлении российских кораблей в марокканских портах играло и международно-дипломатическое соперничество в Северной Африке. В своих реляциях в Санкт-Петербург В.Р. Бахерахт и его сотрудники — секретари генерального консульства князь А.А. Гагарин⁴³, С.А. Каншин⁴⁴ и Е.В. Саблин⁴⁵ — часто отмечали желание соперничающих держав умалить в глазах правящих кругов Дальнего Магриба значение и роль России в мире. Так, британские журналисты и представительство распространяли слухи о том, что российская миссия в Танжере являла собой не более чем филиал миссии Франции. Соответственно, Российское государство по итогам Крымской войны изображалось в Западной Европе как отсталая и неразвитая «окраина цивилизации», постоянно отступающая перед нажимом западных столиц и неспособная к проецированию своей политики во внешний мир.

В этих обстоятельствах визиты в марокканские порты крупных российских кораблей служили в качестве своего рода контрпропаганды. Они способствовали узнаваемости российского флага и усиливали авторитет Российской империи среди марокканцев. Например, одним

⁴³ Александр Александрович Гагарин, князь (1862–?) — на службе в МИД с 1893 г.: секретарь и драгоман агентства в Бухаре (1894 г.), в Бейруте (1895 г.); секретарь генерального консульства в Танжере (1897 г.); консул в Нагасаки (1900 г.); генеральный консул в Бейруте (1905 г.), Генуе (1911 г.), Барселоне (1914 г.). После 1917 г. судьба неизвестна.

⁴⁴ Сергей Анатольевич Каншин (1863–1944) — на службе в МИД с 1891 г.: секретарь и драгоман консульства в Нагасаки (1892 г.); 2-й секретарь миссии в Берне (1896 г.); секретарь генерального консульства в Танжере (1900 г.); консул (1907 г.), генеральный консул в Ницце (1917 г.). После 1917 г. в эмиграции во Франции.

⁴⁵ Евгений Васильевич Саблин (1875–1949) — на службе в МИД с 1898 г.: 2-й секретарь миссии в Белграде (1903 г.); секретарь генерального консульства в Танжере (1905 г.); 1-й секретарь миссии в Лондоне (1908 г.); управляющий посольством, поверенный в делах в Лондоне (1919 г.). После 1917 г. в эмиграции в Великобритании.

Султан Марокко Мулай Абд аль-Азиз

из первых в ноябре 1899 г. в танжерской бухте остановился недавно построенный и оснащенный эскадренный броненосец «Петропавловск», следовавший из Балтийского моря в Тихий океан. По совету В.Р. Бахерахта командир «Петропавловска» вице-адмирал Ф.К. Авеллан предложил всем желающим подняться на борт и совершить экскурсию по палубным надстройкам, посетить каюты, рубки и орудия. За три дня корабль посетили около 300 жителей Дальнего Магриба — не только танжерцев, но и жителей внутренних провинций шерифского султаната. Как отмечал в своем донесении российский дипломат, «своими размерами и внушительным видом “Петропавловск” возбудил всеобщее любопытство и удивление... по всей мароккской земле распространится молва как о могуществе России, так и о радушии и гостеприимстве русских моряков, от которых марокканцы, — не будучи избалованными другими иностранными командами, — остались в полном восторге»⁴⁶. Суммировал В.Р. Бахерахт и психологический эффект от этого визита: «Присутствие на судне нескольких с ними единоверцев из татар, с которыми они довольно свободно могли объясняться, еще [более] способствовало вынесенному ими отрадному впечатлению. Можно поэтому полагать, что

⁴⁶ Донесение № 18 В.Р. Бахерахта товарищу министра иностранных дел Российской империи В.Н. Ламздорфу с сообщением о пребывании в Танжере эскадренного броненосца «Петропавловск» (Танжер, 9/21 ноября 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 229.

появление в здешних водах такого богатыря, как “Петропавловск”, не пройдет бесследно в умах марокканцев»⁴⁷.

Впрочем, эпизодическое военно-морское присутствие России в танжерском порту мало походило на классическую для европейцев «политику канонерок». Скорее, наоборот, российские дипломаты и флотоводцы избегали каких-либо демонстративных акций в духе Франции и Испании, которые в начале XX столетия уже готовились к установлению своего протектората над Марокко. Так, например, в декабре 1906 г. командующий учебным отрядом боевых кораблей в Средиземном море капитан 1-го ранга И.Ф. Бострем запланировал переход из Кадиса в Танжер. Однако после переписки с военным министром Мулай Абд аль-Азиза и временным поверенным России в Танжере Е.В. Саблиным он отказался от стоянки в марокканских портах. Это решение привело к неудобствам для экипажей отряда, но дистанцировало российский флот от демонстрации военно-морской мощи, проводившейся осенью–зимой 1906 г. на танжерском рейде французским и испанским правительствами. «Появление сей эскадры в водах Танжера, — отметил в своем донесении в Санкт-Петербург Е.В. Саблин, — рядом с демонстрирующими здесь франко-испанскими судами было бы превратно истолковано и... даже произвело [бы] некоторое нежелательное возбуждение среди туземного населения»⁴⁸.

* * *

С именем В.Р. Бахерахта связано более семи лет российско-марокканских связей — с 1898 г. по начало 1906 г. Значение связей с Алаутским султанатом для Российского императорского флота в эту беспокойную

⁴⁷ Там же. С. 229–230. Близкое знакомство деловых и политических кругов Марокко с офицерами и матросами российского флота произошло уже в 20-х гг. XX в., когда шерифское государство приняло часть экипажей кораблей Черноморского флота, ушедших из Севастополя в 1920 г. Хотя конечным пунктом следования этих кораблей оказался порт Бизерты (Тунис), французские власти предлагали сошедшим на берег русским морякам должности инженеров, топографов, гидрографов, руководителей строительных работ, техников, механиков, электриков, шоферов по всему Магрибу. См.: *Колупаев В.Е.* Русские в Магрибе. История русских общин в Африке в XX веке. М.: Пашков дом, 2009. С. 95–96. Всего в 20-х гг. из Туниса в Марокко перебралось около 250 человек. — *Сухов Н.В.* Эмиграция из России в Марокко в XX в. // *Уральское востоковедение. Международный альманах.* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. Вып. 6. С. 217.

⁴⁸ Цит. по: *Мусатова Т.А.* Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 133.

Султан Марокко Мулай Абд аль-Азиз

эпоху определялось сложным набором часто изменявшихся военно-стратегических и дипломатических приоритетов. Если во второй половине XVIII столетия российские моряки в Средиземноморье только учились противодействовать османскому флоту, то контакты Санкт-Петербурга и Рабата в конце XIX — начале XX в. происходили в иных условиях. Существенно улучшились мореходные качества кораблей, усовершенствовались средства обеспечения навигации, выросли объемы внешней торговли, произошел обмен посольскими миссиями с алауитским престолом. В это же время российской дипломатии приходилось учитывать как геополитические перипетии подготовки к созданию Антанты, так и освоение российским флотом дальних морских коммуникаций, что расширило географические пределы логистики и боевых походов. В сложной обстановке российский представитель умело воспользовался силами флота для укрепления позиций Санкт-Петербурга в «марокканском вопросе». Дипломатическое присутствие России в «стране золотого заката» облегчило начало дружественных взаимоотношений между адмиралами, офицерами и матросами российского флота и марокканской стороной — от высших султанских сановников до рядовых марокканцев.

REFERENCES

1. *Bolkhovitinov N.N.* Russkie eskadry v SShA v 1863–1864 gg. [Russian Squadrons in the USA in 1863–1864] // *Novaya i Noveishaya Istoriya*. 1996. № 5. P. 195–216.
2. *Butenin A.V.* A.S. Men`shikov — gosudarstvennyi deyatel`, tsaredvoretz i chelovek [A.S. Menshikov as Statesman, Courtier and Personality] // *Iz glubiny vremyon. Saint-Petersburg: Sankt-Peterb. gos. un-t telekommunikatsiy im. M.A. Bonch-Bruevicha*, 1995. Vyp. 5. P. 112–122.
3. *Dantsig B.M.* Zabytaya stranitsa iz istorii russko-marokkanskih otnosheniy v posledney chetverti XVIII v. [A Forgotten Page from the History of Russian-Moroccan relations in the Last Quarter of the XVIII Century] // *Dantsig B.M. Blizhniy Vostok. Sb. st. / Vstup. st. G.L. Bondarevskogo. Moscow: Nauka*, 1976. P. 146–152.
4. *Druzhinina Ye.I.* Kuchuk-Kaynardzhiyskiy mir 1774 goda (ego podgotovka i zakluchenie) [Kyuchuk-Kaynardzhi Peace of 1774 (its Preparation and Conclusion)]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955.
5. *Dyakov N.N.* Magrib–Mashrik–Rossiya. Materialy po istoriografii i istorii arabskogo mira [Maghreb–Mashriq–Russia. Materials on Historiography and History of the Arab World]. Saint-Petersburg: Izd-vo SpbGU, 2014.
6. *Grezin I.* Vasiliy Bakherakht: posledniy imperatorskiy poslannik [Vasily Baherakht: the Last Imperial Envoy] // *Nasha Gazeta. Shveitsarskie novosti na russkom. Kazhdyi den`. 09.02.2011. URL: <https://nashagazeta.ch/news/11275>*
7. *Kolupaev V.E.* Russkie v Magrife. Istoriya russkikh obschin v Afrike v XX veke [Russians in the Maghreb. History of Russian Communities in Africa in the XX Century]. Moscow: Pashkov dom, 2009.
8. *Kozhevnikov M.* Operatsiya russkogo flota v Severnoy Amerike. 1863–1864 gg. [The Operation of the Russian Fleet in North America. 1863–1864] // *Morskoy sbornik*. 2009. № 10. P. 69–79.
9. *Lamzdorf V.N.* Dnevnik [Diary]. 1891–1892 / Pod red. i s predisl. F.A. Rotshteina. Moscow–Leningrad: Academia, 1934.
10. *Mme A. de B.* Une mission à la Cour chérifienne. Notes de voyages. Illustrés de 20 phototypies. Genève–Paris: Georg & Co, éditeurs; Librairie Fischbacher, 1901.

11. *Musatova T.L.* Rossiya–Marokko: dalekoe i blizkoe proshloe. Ocherki istorii russko-marokkanskih svyazey v XVIII — nachale XX v. [Russia–Morocco: the Distant and Near Past. Essays on the History of Russian–Moroccan Relations in the XVIII — Early XX century]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990.
12. *Obraztsov V.* «Nadezhda Blagopoluchiya». Perviy ekaterininskiy fregat v Sredizemnom more [«The Hope of Prosperity». The First Catherinian Frigate in the Mediterranean] // *Rodina*. 2010. № 2. P. 78–79.
13. *Orlov V.V.* Marokkanskiye elity i rossiysko-osmanskiiy konflikt (XVIII–XIX vv.): problema vospriyatiya [Moroccan Elites and the Russian–Ottoman Conflict (XVIII–XIX centuries): the Problem of Perception] // *Vsmatrivayas` drug v druga... Rossiya i arabskiy mir: vzaimnoe vospriyatie*. Sb. st. / Sost. N.G. Romanova, I.M. Smilyanskaya, A.O. Filonik. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2013. P. 164–183.
14. *Orlov V.V.* Rossiya i Marokko v kontse XVIII — nachale XX v.: ot obmena poslaniyami k obmenu posol'stvami [Russia and Morocco in the Late XVIII — Early XX century: from the Exchange of Messages to the Exchange of Embassies] // *Istoricheskiy vestnik*. 2015. T. 11 [158]. P. 128–153.
15. *Orlov V.V.* Marokko i rossiyskiy Voennno-morskoy flot: tri veka kontaktov [Morocco and the Russian Navy: Three Centuries of Contacts] // *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. Vyp. 5: Musulmanskiiy mir na istoricheskikh rubezhakh Rossii / Otv. red. V.Ya. Belokrenitskiy, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2017. P. 112–121.
16. *Panarskiy N.S.* Gosudarstvennaya ideologiya i voennno-morskoy flot [State Ideology and the Navy] // *Voennno-istoricheskiy zhurnal*. 2019. № 7. P. 71–78.
17. *Panisyak I.V.* Sibirskaya flotiliya — predshestvennitsa Tihookeanskogo flota [Siberian Flotilla — the Predecessor of the Pacific Fleet] // *Voennno-istoricheskiy zhurnal*. 1999. № 2. P. 91–93.
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.]. V 45 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (Collection 1st. From 1649 to December 12, 1825). In 45 vol.]. Saint-Petersburg: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830–1851. T. 20–23.
19. Rossiya–Marokko: istoriya svyazey dvukh stran v dokumentakh i materialakh. 1777–1916 [Russia–Morocco: the History of Relations between the Two Countries in Documents and Materials. 1777–1916] / Avt. i sost. N.P. Podgornova. Moscow: In-t Afriki RAN, 1999.
20. *Rukavishnikov Ye.N.* Mify i realii v istorii plavaniya fregata «Nadezhda Blagopoluchiya» (1764–1765 gg.) [Myths and Realities in the History of

- the Voyage of the Frigate «Hope of Prosperity» (1764–1765)] // *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2021. № 11. P. 84–93.
21. *Al-Sayyih al-Hasan*. Al-Hadara al-maghribiyya: al-bidaya wa-l-istimrar [Maghribi Civilization: the Beginning and Continuity]. Al-tab`a al-thaniya. T. 1–3. Rabat: Manshurat `Ukaz, 2004.
 22. *Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya Ye.B.* Rossiya v Sredizemnomor`ye. Arkhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy [Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great] / Pod obsch. red. I.M. Smilyanskoy. Moscow: Indrik, 2011.
 23. *Sukhov N.V.* Emigratsiya iz Rossii v Marokko v XX v. [Emigration from Russia to Morocco in the XX Century] // *Ural'skoe vostokovedenie. Mezhdunarodniy almanakh. Yekaterinburg: Izd-vo Ural un-ta*, 2015. Vyp. 6. P. 216–232.
 24. *Sukhov N.V.* Istoriya russkoy emigratsii v Marokko v XX v. [The History of Russian Emigration to Morocco in the XX Century] / Otv. red. A.V. Sarabyev. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2019.
 25. *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford: Clarendon Press, 1954.
 26. *Yakovleva Ye.V.* Kolonial`niy razdel Afriki i pozitsiya Rossii (vtoraya polovina XIX v. — 1914 g.) [The Colonial Partition of Africa and the Position of Russia (the Second Half of the XIX Century — 1914)]. Avtoref. diss. ... k.i.n. Irkutsk: Irkutskiy gos. ped. un-t, 2004.
 27. *Zherlitsyna N.A.* K istorii uchrezhdeniya rossiyskikh diplomaticheskikh predstavitel`stv v Magribe (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy imperii) [On the History of the Establishment of Russian Diplomatic Missions in the Maghreb (Based on the Materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)] // *Vestnik arkhivista*. 2017. № 4. P. 159–171.
 28. *Zherlitsyna N.A.* Rossiyskaya pozitsiya po otnosheniyu k kolonial`nym zakhvatam Frantsii v Magribe v XIX — nachale XX v. [The Russian Position in Relation to the Colonial Seizures of France in the Maghreb in the XIX — Early XX Century] // *Voprosy istorii*. 2017. № 4. P. 75–91.

Ключевые слова:

Архипелагская экспедиция, Российский Императорский флот, Екатерина II, Сиди Мухаммад бен Абдаллах, В.Р. Бахерахт, Танжер, российско-марокканские отношения.

Vladimir V. Orlov

«TO STAND STEADFASTLY ON GUARD
OF THE STRAIT OF GIBRALTAR...»:
V.R. BACHERACHT AND THE NAVAL
PRESENCE OF RUSSIA IN MOROCCO
IN THE 19th — EARLY 20th CENTURY

The article offers a historical retrospective of the relationship between the Russian Imperial Navy and Morocco during the 19th — early 20th century. The characteristic features of Russian-Moroccan contacts are shown in the light of the events that took place in the Mediterranean region during the Archipelago expedition of the Russian Navy of 1769–1775. The historical and cultural prerequisites for the preparation of the Russian-Moroccan peace treaty in the 80s of the XVIII century, as well as the question of its existence, which has not yet been clarified definitively, are considered. The author traces the main tasks of the Russian naval strategy and tactics in the late 19th — early 20th century and proves that the importance of Moroccan harbors for Russian ships has increased significantly with the creation of the Pacific grouping of the Russian Navy and the opening of the Suez Canal in 1869. Special attention is paid to the analysis of the multifaceted activities of the Resident Minister and Consul General of the Russian Empire V.R. Bacheracht (1851–1916) in Morocco in the context of visits by Russian warships to the port of Tangier. The origin of the Bacheracht family and the stages of the career of a Russian diplomat are investigated. The details of the Russian-Moroccan diplomatic relations in the period preceding the Russo-Japanese War of 1904–1905 are also considered.

Key words: the Archipelago Expedition, Russian Imperial Navy, Catherine II, Sidi Muhammad ben Abdallah, Vasiliy Romanovich Baherakht, Tangier, Russian-Moroccan relations.

Vladimir V. Orlov — D.Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East Studies, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.

Орлов Владимир Викторович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ)